

Задвижка / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу
написано кітарсу | 23 января, 2025
Задвижка / рассказ ЗАДВИЖКА

Раулю Дерэн

Перед обедающими стояло четыре бокала с наполовину недопитым вином – явный признак, что сами собутыльники уже полны до краев. Говорили, уже не слушая ответов, и каждый был занят только самим собою; голоса становились громче, жесты развязней, глаза разгорались.

То был обед холостяков, старых, закоренелых холостяков. Эти традиционные обеды ввели они в обычай лет двадцать тому назад, окрестив их именем «Целибат». Их было тогда четырнадцать друзей, твердо решивших никогда не вступать в брак. Теперь их оставалось только четверо: трое умерли, остальные семеро женились.

Эти четверо держались стойко и в меру своих сил тщательно соблюдали правила, установленные при основании этого любопытного содружества. Они дали друг другу торжественную клятву совращать с так называемого прямого пути всех женщин, каких только удастся, предпочтительно же – жен своих друзей и еще предпочтительней – жен самых близких друзей. Вот почему, как только кто-нибудь из них выходил из их общества и обзаводился семьей, он спешил окончательно порвать со всеми прежними сотоварищами.

Кроме того, они обязаны были за каждым таким обедом исповедоваться друг перед другом и рассказывать во всех подробностях – с именами и самыми точными сведениями – о последних своих похождениях. Отсюда появилась своего рода поговорка, вошедшая у них в обиход: «Врать, как холостяк».

Кроме того, они проповедовали полнейшее презрение к женщине, которую считали «животным орудием наслаждения». На каждом шагу они цитировали Шопенгауэра, которому поклонялись, ратовали за восстановление гаремов и средневековых башен и приказали

вышить на столовом белье, предназначенном для обедов «Целибата» древнее наставление: «Mulier, perpetuus infans» [1], – а под ним слова Альфреда де Виньи:

..О, женщина – больное,
Двенадцать раз нечистое дитя!

Таким образом, презирая женщин, они думали только о них, жили только ими и устремляли на них все свои помыслы, все усилия. Прежние их товарищи, вступившие в брак, называли членов содружества старыми волокитами, высмеивали их и в то же время побаивались.

Дружеские признания на обедах «Целибата» полагалось начинать за шампанским.

Сегодня эти старички – ведь они были уже стары, но чем больше старились, тем пространнее рассказывали друг другу истории о своих поразительных победах, – сегодня они были неистощимы. За последний месяц каждый из них успел соблазнить не менее одной женщины в день. И какие это были женщины! Самые молодые, самые знатные, самые богатые, самые красивые!

Когда рассказы были закончены, тот, кто начал первым, а затем должен был выслушать всех остальных, поднялся.

[1] «Женщина, вечное дитя» (лат.).

– Ну, а теперь, когда мы вдоволь нахвастались, – сказал он, – я хотел бы поведать вам не о последнем, а о первом своем походе; я разумею первое любовное приключение в моей жизни, первое падение (ибо это падение) в объятиях женщины. О, я не собираюсь описывать мой... как бы это сказать?... ну, самый первый мой опыт. Нет! Первый перепрыгнутый ров (я говорю «ров» в смысле фигуральном) не заключает в себе ничего интересного. Обычно он грязен, и поднимаешься оттуда немного испачканный, лишившись еще одной прелестной иллюзии, испытывая смутное отвращение и легкую грусть. Реальная сторона любви, когда впервые соприкасаешься с ней, слегка отталкивает; в мечтах она представлялась совсем иной, – более нежной, более утонченной. И у вас остается моральное и физическое ощущение тошноты, как

бывает, когда случайно попадаешь рукой во что-нибудь липкое и нет воды, чтобы помыться. Сколько ни оттирай – это остается. Да, но как легко и быстро к этому привыкаешь! Уверяю вас, что это так. И все же... все же я лично всегда сожалел, что не мог дать совет творцу в тот момент, когда он был занят разрешением этого вопроса. Что именно я придумал бы, право, не знаю, но уверен, что устроил бы все иначе. Я постарался бы скомбинировать это более приличным образом и более поэтично, – да, именно более поэтично.

Я нахожу, что господь бог проявил себя поистине слишком... слишком... натуралистом. Его изобретению не хватает поэзии. Так вот я хочу рассказать вам о моей первой светской женщине, о первой светской женщине, которую я соблазнил. Виноват, я хотел сказать, которая меня соблазнила. Ведь на первых порах это мы попадаемся в ловушку, тогда как позже... впрочем, и позже то же самое.

Это была подруга моей матери, но все еще прелестная женщина. Подобные создания бывают невинны обычно только по глупости, когда же они влюбляются, то доходят до бешенства. Нас обвиняют в том, что мы их развращаем. Ничего подобного! С ними всегда выходит так, что погоню начинает не охотник, а заяц. О, у них такой вид, что они совсем тут ни при чем, но, поверьте, они очень даже при чем; они незаметно вертят нами, как захотят, а потом упрекают нас в том, что мы их погубили, обесчестили, опозорили, и все что угодно!

Та, о которой я говорю, несомненно, питала безумное желание быть опозоренной мною. Ей было лет тридцать пять, мне же только пошел двадцать третий год. Я столько же помышлял о ее совращении, сколько о том, чтобы сделаться траппистом. Но вот однажды, когда я, придя к ней с визитом, не без удивления рассматривал ее костюм, утренний пеньюар, довольно-таки открытый, – открытый, как вход в церковь, когда звонят к обедне, – она взяла мою руку, сжала ее так, как они сжимают в подобные минуты, и с замирающим вздохом, одним из тех вздохов, которые идут из самой глубины существа, сказала мне:

– О! Не смотрите на меня так, дитя мое!

Я покраснел, как помидор, и, конечно, оробел еще больше

обычного. Мне очень хотелось удрать, но она держала меня за руку, и держала крепко. Затем положила мою руку к себе на грудь, на пышную грудь, и промолвила:

– Слышите? Чувствуете, как бьется мое сердце?

Разумеется, оно билось. Я начинал кое о чем догадываться, но не знал, как приняться за дело, с чего начать. С тех пор я сильно изменился.

Так как я стоял все в той же позе – одна моя рука была прижата к пухлой подкладке ее сердца, а в другой я держал шляпу, продолжая глядеть на женщину со смущенной и глупой улыбкой, с улыбкой испуга, – она внезапно выпрямилась и разгневанно крикнула:

– Что это! Как вы ведете себя, молодой человек! Вы неприличны и плохо воспитаны!

Я быстро отдернул руку, перестал улыбаться, залепетал извинения, поднялся и вышел обескураженный, потеряв голову.

Но я попался, я стал мечтать о ней. Я находил ее очаровательной, восхитительной, воображал, что люблю ее, любил всегда, и решил быть предприимчивым, даже дерзким!

Когда я снова увидел ее, она украдкой улыбнулась мне. О, эта улыбка, как она взволновала меня! А ее рукопожатие было многозначительно долгим и настойчивым.

С этого дня я, по-видимому, и начал ухаживать за ней. По крайней мере она уверяла меня потом, что я ее обольстил, покорил и обесчестил с редким коварством и ловкостью, с упорством математика и коварством апаша.

Но одно обстоятельство страшно меня смущало: в каком месте завершится моя победа? Я жил в семье, а на этот счет мои родные были непримиримы. У меня еще не хватало смелости среди бела дня переступить порог гостиницы под руку с женщиной, а посоветоваться мне было не с кем.

Но тут как-то моя подруга в шутливой беседе со мной принялась утверждать, что у каждого молодого человека должна быть отдельная комната в городе. Мы жили в Париже. Это был проблеск света; я снял комнату, и она туда пришла.

Она пришла туда в холодный ноябрьский день. Меня сильно смущал этот визит, и мне хотелось бы отложить его, потому что нельзя

было развести огня. А нельзя было развести огня потому, что камин дымил. Как раз накануне я устроил сцену моему хозяину, бывшему коммерсанту, и он обещал мне, что завтра-послезавтра сам придет вместе с трубочистом, чтобы хорошенько разобраться, какая требуется починка.

Как только она вошла, я объявил:

– У меня нет огня, труба дымит!

Не вникнув в смысл моих слов, она пробормотала:

– Ничего, у меня достаточно...

И так как я был удивлен, она запнулась, совсем смутившись, затем продолжала:

– Я уж и не знаю, что говорю... я с ума сошла... теряю голову! Боже, что я делаю! Несчастливая, зачем я пришла? О, какой позор, какой позор!..

И она, рыдая, упала в мои объятия.

Я поверил в угрызения ее совести и поклялся, что не притронусь к ней. Тогда она со стоном обрушилась к моим ногам:

– Но разве ты не видишь, что я люблю тебя, что ты победил меня, довел до безумия?

Я счел момент подходящим, чтобы начать наступление. Но она вздрогнула, выпрямилась, вскочила и даже бросилась прятаться в шкаф, крича:

– О, нет, нет, не смотрите на меня! Здесь светло, мне стыдно! Ах, если бы ты не видел меня, если бы мы были с тобой в темноте, ночью, вдвоем! Подумай только! Какая мечта! Но этот свет!..

Я бросился к окну, закрыл ставни, задернул гардины, завесил своим пальто пробивавшийся луч света, потом, вытянув руки, чтобы не споткнуться о стулья, с трепещущим сердцем, принялся искать ее и нашел.

Тут началось новое путешествие вдвоем, ощупью, со слитыми губами, к другому углу, где помещался мой альков. Должно быть, мы подвигались не прямым путем, так как мне повстречался сначала камин, затем комод и лишь потом то, что мы искали.

И я забыл обо всем в исступлении экстаза. Это был час безумия, страстного пыла, сверхчеловеческого восторга; потом, сраженные упоительной усталостью, мы заснули друг у друга в объятиях.

Я погрузился в сновидения. Но вот во сне мне показалось, что меня зовут, призывают на помощь; потом почувствовал сильный толчок и открыл глаза...

О!.. Великолепное красное заходящее солнце, свободно проникая через распахнутое настежь окно, казалось, глядело на нас с края горизонта, освещая сиянием апофеоза мою взбудораженную постель и на ней – обезумевшую женщину, которая визжала, билась, извивалась, махала руками и ногами, стараясь ухватить хоть кончик простыни, хоть край полога, что угодно, в то время как посреди комнаты озадаченно выстроились мой хозяин в сюртуке, привратник и черный, как дьявол, трубочист, уставившиеся на нас, вытаращив глаза.

Я в бешенстве вскочил, готовый схватить хозяина за шиворот, и закричал:

– Что вам нужно у меня, черт побери?

На трубочиста напал неудержимый смех, и он уронил железный лист, который держал в руках. Привратник, казалось, совершенно ошалел, хозяин же лепетал:

– Но, сударь... мы пришли... по поводу... камина... камина...

Я прорычал:

– Ступайте ко всем чертям!

Тогда он снял шляпу со смущенным и вежливым видом и, пятась к дверям, забормотал:

– Простите, сударь, извините меня. Я не пришел бы, если бы знал, что обеспокою вас. Привратник сказал мне, что вы вышли... Извините меня...

И они удалились.

С тех пор, знаете, я никогда не завешиваю окон, но всегда запираю дверь на задвижку.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 25 июля 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Вильтер. Neкаýalar